

0. 776957

Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

СЕЛИВАНОВА
Ольга Владиславовна

**ОТВЛЕЧЕННЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СЛАВЯНСКОМ
ПЕРЕВОДЕ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2009

Диссертация выполнена на кафедре русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Колесов Владимир Викторович

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Бурыкин Алексей Алексеевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ»
Фомин Александр Игоревич

Ведущая организация – Казанский государственный университет

Защита состоится «4» мая 2009 г. в 16⁰⁰ часов на заседании совета Д 212.232.18 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11, ауд. 195.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «29» апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Д. В. Руднев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Отвлеченные (абстрактные, признаковые, отпредикатные) имена существительные составляют в языке особый разряд слов, образованный на стыке двух объективно и универсально противопоставленных категорий – субстанции и признака. Выражение действия или качества как самостоятельной субстанции в форме имени существительного становится идеальным средством представления признака без соотнесения его с носителем, без степени его проявления, без намека на активность или неактивность, без характеристики протекания действия, а также позволяет четко отграничить данный признак от других, связанных с ним понятий.

Исследователи сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков отмечают архаичность таких имен, восходящих еще к эпохе древних нерасчлененных корней, когда каждый корень мог быть словом как именного, так и глагольного значения [Вандриес 1937; Мейе 1938]. Исходным пунктом всех рассуждений о природе и специфике абстрактных имен служит замечание А. А. Потебни об увеличении противоположности имени и глагола и нарастающей разнице между существительным и прилагательным, что в ходе развития славянских языков привело к изменению значения и круга деятельности существительного, а в связи с этим к увеличению связности (гипотактичности) речи [Потебня 1968: 5].

Отвлеченные имена существительные являются достаточно изученным классом слов. В первую очередь большое внимание обращается на словообразовательную структуру производных образований, поскольку на уровне деривационных связей в наибольшей степени заметно взаимодействие признаковых и именных категорий. В работах Ю. С. Азарх, Ж. Ж. Варбот, В. И. Дегтярева, И. В. Ерофеевой, И. Э. Еселевич В. М. Маркова, Г. А. Николаева, Г. А. Пастушенкова, Л. Г. Свердлова, Ф. А. Хайдарова, В. Н. Хохлачевой, Н. Т. Шелиховой и др. рассматриваются отдельные словообразовательные типы, их происхождение и продуктивность, семантическая и стилистическая специфика, а также являются направляющие тенденции и закономерности развития русского словообразования, отмечается неразрывная связь словообразования и формообразования, обобщаются историко-словообразовательные идеи. С 70-х гг. XX в. в связи с развитием идей семантического синтаксиса на первый план выходят проблемы пропозитивной номинации. Функционирование отпредикатных имен в структуре предложения и текста изучается в работах Н. Д. Арутюновой, П. Адамца, В. П. Казакова, Е. С. Кубряковой, М. А. Кормилицыной, Е. В. Падучевой и др., в которых исследуются отношения отвлеченного имени с основным предикатом и участие номинализованных конструкций в осложнении семантической перспективы высказывания.

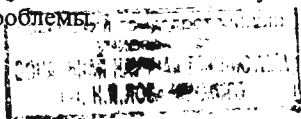
Абстрагирование как универсальный механизм преобразования мыслительного содержания в языковые формы и виды абстракций подробно рассматриваются в философии, психологии, физиологии высшей нервной деятельности, антропологии, например, в работах И. М. Сеченова, Д. П. Горского, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурии, Ф. Кликса. Соотношению понятийных категорий с

их грамматическими эквивалентами посвящены уже ставшие классическими труды О. Есперсена, И. И. Мещанинова, А. В. Бондарко. Повышенный интерес к понятийным основам языковых построений влечет за собой и разрешение вопроса о месте отвлеченных существительных в парадигме философии языка. Так, Д. И. Руденко объясняет специфику отвлеченных существительных через определение их гносеологического статуса.

В последнее время в диапазон лингвистических исследований обязательно попадают вопросы соотношения языка и культуры, языка и общества, языка и ментальности. В связи с этим расширяются и представления о самом языке, который начинает пониматься более широко – как когнитивная активность человека. Прежде всего необходимо отметить исследования В. В. Колесова по изучению процессов становления системы русского литературного языка и организующей роли в них устойчивых формул, по выявлению особенностей духовного, социального и индивидуального мира человека, находящих отражение в формах древнерусского слова, а также по философскому осмыслению механизмов преобразования средневековых символов через традиционный славянский словесный образ в понятия современной культуры. В целой серии публикаций «Логического анализа языка» с разных точек зрения на самом обширном материале проводится концептуальный анализ языка в его отношении к мышлению, знанию, социальному поведению, психологическим реакциям, этическим принципам, эстетическому восприятию мира. Применение логического подхода к изучению языка в тесном контакте с философией, психологией, социологией позволяет проблемной группе (Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.) на уровне минимальных контекстов проводить воссоздание общечеловеческих и национально обусловленных понятий, таких, как *долг, зло, истина, красота, порядок, свобода, судьба* и т. д.

Аktуальным представляется изучение отвлеченных имен существительных в средневековом тексте, поскольку оно позволяет проследить, каким образом проявляет себя в языке мыслительно-логическая категория абстракции, какие семантические механизмы действуют при освоении привычного славянского образа в условиях символического раздвоения культуры, как уравниваются денотативная и сигнификативная стороны содержательного плана значения при взаимодействии конкретного и абстрактного в пределах одного слова. И особенно важно это для тех периодов истории языка, когда культурная парадигма целой эпохи концентрируется исключительно на человеке и его духовных потребностях.

XIV в. полностью антропоцентричен. Предвозрожденческие черты во всех слоях культуры периода второго южнославянского влияния отмечаются в исследованиях А. И. Соболевского, Д. С. Лихачева, Г. М. Прохорова, И. Экономцева. Определяющей вехой для философской мысли того времени является появление славянского перевода корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, мистическое богословие которого заложило основы дальнейшей русской гносеологии. Именно в этот период появляется на Руси «Диоптра» Филиппа Пустынника, в которой через диалог Души и Плоти на доступном уровне решаются сложные мировоззренческие проблемы.

Особая роль в разработке содержательных знаков-символов христианской культуры принадлежит отвлеченным именам существительным, которые составляют **объект** настоящего исследования. В их гибридной природе и особом отношении к денотату отражаются гносеологические проблемы, которые со времен античности до зрелого средневековья сосредоточены на взаимоотношениях между вещью, мыслью и словом. Архаичный синкретизм разворачивается путем метонимических переносов и постепенным усложнением словообразовательной структуры слова от самого простого, конкретного, еще связанного с предметом, ко все более отвлеченным, все менее связанным с исходным значением, смыслом. Специфика функционирования отвлеченных имен в средневековом тексте составляет **предмет** исследования.

Цель диссертационного исследования – комплексный анализ отвлеченной лексики славянского перевода «Диоптры», включающий рассмотрение словообразовательной структуры отвлеченных имен и определение их семантической, функциональной, стилистической нагрузки в тексте и в истории языка. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- выявить количество и состав отвлеченной лексики памятника;
- определить признаки мыслительно-логической категории абстракции и обозначить основные языковые средства ее выражения;
- установить отношение отвлеченных имен к категории «предмет» и к категориальному значению предметности;
- охарактеризовать словообразовательную специфику выявленной лексики, заключающуюся в комплексе вопросов:
  - набор словообразовательных типов и моделей, участвующих в производстве отвлеченных имен;
  - качественный состав производящих основ;
  - соотношение в производных именах категории отвлеченности / конкретности;
- рассмотреть отношение отвлеченных имен существительных к грамматической категории числа;
- описать специфику проявления в отвлеченных существительных предикатных и именных свойств на синтагматическом уровне;
- на примере рядов однокоренных слов, образующих гнездо ключевых понятий средневековой сферы мышления, проследить действие механизмов абстрагирования как на языковом, так и на гносеологическом уровнях.

Материалом для исследования служит произведение греческого монаха Филиппа Монотропа (или Пустынника) «Диоптра», написанное в 1095–1097 гг. Славянский перевод осуществлен приблизительно в третьей четверти XIV в., а с конца XIV в. «Диоптра» получила распространение на Руси. В настоящей работе исследуется пергаменный полууставный список конца XIV или начала XV в., принадлежавший некогда Кирилло-Белозерскому монастырю, из рукописного собрания Российской национальной библиотеки под шифром F. п. I № 43, а также рукописи XV в. под шифрами К-Б 20/1097, К-Б 14/1091, Погод. 1069. Частично текст «Диоптры» был опубликован в «Памятниках литературы

Древней Руси: конец XV – первая половина XVI вв.» (М., 1984) и в монографии Г. М. Прохорова «Памятники переводной русской литературы XIV–XV вв.» (Л., 1987), полностью – в книге «“Диоптра” Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия православного средневековья» (М., 2008). Греческий текст «Диоптры» был издан врачом Спиридоном Лавриотом по одной афонской рукописи «Н Διόπτρα» (Εν Αθηναῖς, 1920).

Для типологического сравнения и обозначения наиболее важных моментов развития русской словообразовательной системы в качестве дополнительных источников берутся «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (М., 1949) и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.» (М., 1952–1954), в которых собраны грамоты и другие деловые документы, фиксирующие народно-разговорную традицию.

Методы исследования. Сложность и многоаспектность объекта исследования диктует использование комплексной методики, в основе которой лежат сравнительно-исторический и описательный методы языкознания. Для составления целостной картины употребления отвлеченных имен в тексте «Диоптры» применяются приемы сплошной выборки и количественных подсчетов. Учитывается также опыт концептуального и логического анализа языка, особенно при проведении семантических и этимологических реконструкций. Необходимость наблюдений над синтагматическими особенностями отвлеченных существительных предполагает применение элементов трансформационного метода, но не в строгой его форме, а в гипотетической (принимая во внимание специфику текста). В случае сопоставления рядов однокоренных слов, служащих обозначением сферы знания и интеллекта, используется метод герменевтического анализа, что позволяет частично преодолеть значительное временное расстояние между созданием и переводом текста и его исследованием. В каждом конкретном случае учитывается средневековое восприятие слов, отличное от современного. Для более точного определения значений слов приводятся греческие параллели.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые комплексному лингвистическому анализу подвергается славянский перевод «Диоптры» Филиппа Пустынника. История отвлеченных имен не может быть полной без привлечения к исследованию церковнославянских текстов, поскольку высокий стиль определяет, с одной стороны, насыщенность языка памятников отвлеченными именами существительными, с другой – их весомую стилистическую нагрузку. Современные комплексные методики позволяют рассмотреть отвлеченные имена с точки зрения взаимосвязи в их природе различных аспектов семантического и грамматического, что в свою очередь отражается на синтаксической и стилистической функции отвлеченных имен в тексте.

Теоретическая и практическая значимость заключается в возможности включить результаты исследования в лингвистическую и философскую традицию, связывающую историю языка с историей человеческой мысли, с историей культуры, науки, философии. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по исторической грамматике, исторической лексикологии, спецкурсах по философии русского слова, герменевтическому анализу текста.

Практическим задачам отвечает также уточнение некоторых данных исторических словарей.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов в Санкт-Петербурге в марте 2002 г., на Международной научной конференции молодых ученых «Молодежь в науке – 2007» в Минске в октябре 2007 г., на XXXVIII Международной филологической конференции в Санкт-Петербурге в марте 2009 г. и на аспирантских семинарах по исторической грамматике под руководством профессора О. А. Черепановой (2000–2003 гг.).

На защиту выносятся следующие положения, представляющие собой основные результаты исследования:

1) В языке выявляется особая категория отвлеченности, понятийную основу которой составляет мыслительно-логическая категория абстракции. Определение лингвистического статуса категории отвлеченности представляет некоторые трудности, однако она проявляет себя на уровне семантики: лексической (обозначение непредметных сущностей), грамматической (отсутствие корреляции в формах числа) и лексико-грамматической (наличие исторически сложившегося набора соответствующих словообразовательных аффиксов), и на уровне функционирования (формирование свернутой пропозиции на базе полного актуализированного предложения). Категория отвлеченности проявляет себя также на уровне содержательной стороны значения, поскольку отвлеченные имена отличаются особым отношением к денотату, который представляется в виде «гносеологического предмета».

2) Разветвленная словообразовательная система отвлеченных существительных в «Диоптре» полностью соответствует жанровым особенностям текста. С одной стороны, в качестве главных выделяются суффикс *-ние* для имен действия и суффикс *-ость* для имен качества, которые четко ориентированы на передачу основного словообразовательного значения и отвечают ведущим тенденциям развития языка. С другой стороны, менее продуктивные или непродуктивные словообразовательные типы занимают второстепенное, но весьма важное место в словообразовании отвлеченных имен, обслуживая определенные участки семантической периферии и обеспечивая богатство синонимии и вариативности для адекватной передачи всех нюансов греческого оригинала.

3) Отвлеченные имена в «Диоптре» допускают функционирование коррелятивных форм обоих чисел, отражая исконную конкретность значения, которая связана с определенным уровнем абстрагирования и характеризуется семантическим синкретизмом понятийного содержания слова. Однако зависимость образования формы множественного числа от того или иного типа значения и словообразовательного суффикса говорит о начале упорядочения семантических различий в формах чисел с опорой на предметно-логическое содержание и о развитии вторичной конкретизации, сопровождающейся значительным сдвигом в значении имени. Соответственно в сфере выражения отвлеченных понятий формы числа начинают выполнять не только формальные, но и лексико-семантические, стилистические и словообразовательные функции.

4) В языке «Диоптры» отмечается трансформация атрибутивных и предикативных конструкций в номинализованные структуры с отвлеченным именем в качестве главного компонента словосочетания. В сочетании с определенными предлогами событийные имена, являясь результатами полных номинализаций, расширяют выразительные возможности при передаче таксисных отношений, а также различных логических причинно-следственных и квалифицирующих отношений. Все это обеспечивает более емкую коммуникацию и служит своеобразным средством абстрагирования мысли от конкретного факта и достижения большей отвлеченности повествования.

5) Развертывание смысла единого синкретичного корневого ядра отражается в словообразовательной системе языка. При необходимости зафиксировать сдвиги в значении словообразовательная система использует определенные аффиксы, чтобы закрепить семантические различия с исходной синкретой. Сеть ментальных констант «Диоптры» не только охватывает пространство интеллектуальной деятельности человека, но и выстраивает в словах его целостный образ жизни, пересекаясь в части своих значений с такими ключевыми понятиями, как «сердце», «душа», «слово», то есть отражает наряду с гносеологической сферой этические, эстетические, моральные воззрения.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка используемой литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи работы, определена методологическая база исследования, дана характеристика работы с точки зрения научной новизны и возможности ее теоретического и практического применения.

В **первой главе «Отвлеченные имена существительные – вербальная экспликация абстрагирования»** подробно охарактеризованы мировоззренческие и философские установки, на которых строится текст «Диоптры» и которые определяют крайне обобщенный стиль повествования. Изложены также основные теоретические положения, на которые в дальнейшем опирается анализ отвлеченных существительных.

В **первом параграфе «Диоптра»** Филиппа Пустынника представлена как памятник средневековой мысли в различных аспектах исследования: литературоведческом, психологическом, философском, лингвистическом. Этот своего рода беллетризованный учебник по антропологии, написанный в форме диалога Души и Плоти, отражает все, что было известно ко времени его создания (конец XI в.) о человеке в античной литературе и у отцов церкви. Г. М. Прохоров вычленяет в содержании «Диоптры» временную ось, на которой держится весь каркас произведения: *прошлое* (акт творения и грехопадение с разделением на умственное и телесное) – *настоящее* (предоставление человеку свободы выбора) – *будущее* (всеобщее воскресение и преображение мира)

[Прохоров 1979: 151–164]. Основным вопросом в «Диоптре» является вопрос о сущности души. Душа, являясь особой нематериальной субстанцией, признается простой и неделимой, но в то же время состоящей из двух частей: *словесной* и *бессловесной*, а также наделяется тремя силами: *помысленным*, *желательным* и *яростным*, которые используются для борьбы со злом. Описание устройства физического мира и плоти как его частички уходит своими корнями в древнегреческую натурфилософию о четырех основных элементах (стихиях) мира. В целом содержание памятника, направленное на гармоничное восприятие действительности, полностью отвечало учению и практике исихастов, которые душу и тело воспринимали в виде единого психосоматического организма.

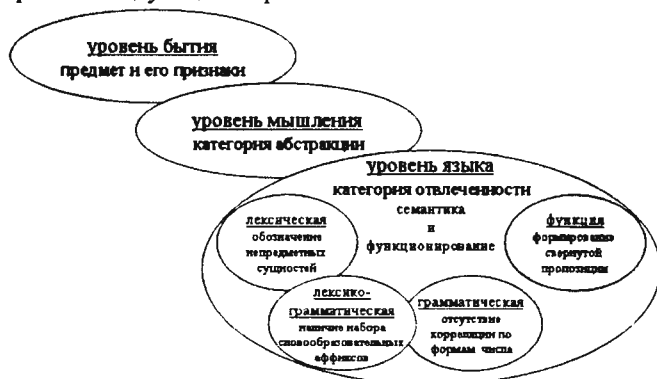
Абстрактное выражение является очень выразительной языковой категорией, в которой отражаются все грани выработки богатой и внутренне целостной системы русского литературного языка. С одной стороны, появление целого блока ранее не известных отвлеченных научных и философских представлений, связанных с христианизацией Руси, приводит к расширению умственного кругозора славян. С другой стороны, усвоение культурных ценностей византийско-христианского мира осуществляется в рамках славянского языка, так как отвлеченные понятия, как и термины социального быта, не заимствуются. Чтобы добиться наиболее ясного понимания символов и догматов новой веры, славянские книжники идут по пути преобразования собственных языковых средств, по пути семантического насыщения уже известного слова новыми смыслами. Отвлеченная семантика языковых единиц в тексте «Диоптры» является господствующей. Филипп Пустынник, представитель высокой греческой филологической культуры, а вслед за ним переводчик, представитель авторитетной переводческой школы, предпочитают использование отвлеченных существительных, соответствующих установке на непреходящие ценности, на решение актуальных смысложизненных проблем с точки зрения вечности.

Во втором параграфе определяется мыслительно-логическая категория абстракции и ее лингвистический статус. Принцип действия абстрагирования заключается в формировании некоторого мысленного образа путем отвлечения от тех или иных второстепенных свойств и отношений предмета с целью выделения его необходимых признаков и выявления, таким образом, определенных оснований его подлинной сущности.

Свойственный вербальному мышлению высокий уровень абстрагирования и обобщения понятий о свойствах, качествах, отношениях и действиях предметов, не отличающийся от современного уровня абстрактно-логического мышления, был достигнут в древнейший праиндоевропейский период. Но все-таки это был особый исторический тип языкового мышления, оперирующий целостными чувственными образами предметов внешнего мира. Развитие абстрагирования шло от преодоления чувственно-наглядной ступени познания (*сенсорной абстракции*) к более высокому интеллектуальному уровню (*интеллектуальной абстракции*). Уже к XV в. славянский книжник способен четко сформулировать особенности отвлеченных понятий: «яко нма ѹбо есть, вещь же нѣсть» (из словника XV в. «Тлъкование неудобъ познаваемом в писаных речем...»).

Для современных исследователей различие конкретных и отвлеченных понятий строится на участии в их формировании разных видов абстракций. Существительные, обозначающие целостные материальные объекты: *стол, человек, картина*, составляют основу класса конкретных имен. Образование подобных понятий основывается на действии *абстракции отождествления*, или обобщающей абстракции. Образование же отвлеченных имен существительных базируется на ином типе абстракции – на *абстракции аналитической*, или изолирующей. Так проявляется способность человеческого мышления в языковых формах «опредмечивать» отвлекаемые свойства и отношения, которые начинают рассматриваться как некоторые самостоятельные сущности, отвлеченные от своих материальных носителей: *красота, мужество, честность* и под.

Определение лингвистического статуса категории отвлеченности является затруднительным в связи с тем, что абстракция выражает не только результат, но и сам процесс абстрагирования, участвующий в образовании любого обобщения и любой категории. Значительным препятствием для формирования однозначной категории отвлеченности служит также пограничная природа имен, обозначающих непредметные сущности, которые совмещают в себе оппозицию обозначения предметов и не-предметов. Схематично категория отвлеченности строится следующим образом:

В **третьем параграфе** выявляется специфика отношения отвлеченных имен существительных к категориальному значению предметности. Наиболее резкое отличие признака, выраженного в форме имени, от того же признака, выраженного глаголом или прилагательным, состоит в том, что при употреблении существительного не нужно указание на предмет как носитель этого признака, в то время как обозначение признака через глагол или прилагательное обязательно требует отсылки к предмету, которому этот признак принадлежит. Формально-семантические особенности отвлеченных имен моделируются по образцу физически отдельных объектов, но такая предметная соотнесенность представлена лишь в познании, поэтому денотат отвлеченных имен формируется в виде «гносеологического предмета» (термин Д. И. Руденко).

Совмещение в отвлеченных именах лексической и пропозитивной номинаций дает возможность вывести некоторые закономерности, позволяющие

объединить все языковые репрезентации предметности как в конкретных, так и в отвлеченных именах и раскрыть специфику одного и другого типа значения путем их противопоставления по релевантным признакам.

Таблица 1. Разграничение конкретного и абстрактного значения

плоскость сознания	признак	конкретное	абстрактное
отношение к категории «предмет»	прерывность	прерывный	непрерывный
	цельность	цельный	лишенный целостности
	дискретность	дискретный	недискретный
	способ восприятия	мыслимый в терминах пространства	мыслимый в терминах времени
плоскость языка		↓	↓
обозначаемый признак	степень динамичности	статичный	динамичный
	степень обобщенности	общий	единичный
	измеряемость	число	величина
отношение к категории «количество»	исчисляемость	исчисляемый	неисчисляемый
выполняемые функции	способ референции	обозначение объектов действительности	обозначение ситуации в целом
	сочетаемость	сочетается с числительными	сочетается с количественными наречиями и показателями меры
		свободно сочетается с указательными местоимениями	сочетается с указательными местоимениями в особых случаях

В средневековом тексте конкретное и абстрактное значения тесно связаны между собой последовательными семантическими переходами, причем действие метонимических переносов задано языковой системой и не ограничено рамками какого-либо жанра. Синкретизм значения отражает исторический этап становления языкового знака, когда денотативный и сигнификативный компоненты содержания, ныне слитые воедино, еще не образовывали такой целостности. Ведущая роль в организации словесного знака принадлежала денотату, опиравшемуся на языковую фиксацию сенсорной модели отображаемого факта действительности (например, ритуала). В то время как сигнификат представлял своего рода потенциальной семантической составляющей, которую слово способно генерировать в условиях определенной ситуации речи при опоре на более устойчивое денотативное значение [Колесов 2002, Лопутько 2001].

Привлечение к исследованию памятников деловой письменности подтверждает универсальность развития моделей «конкретное → отвлеченное» и «отвлеченное → конкретное». Ср.: производные образования употребляются во вторичных конкретизированных значениях, обозначая место, результат, орудие действия (*воплъ, дань, орудие, продажа, строение*), а изначально конкретные существительные приобретают отвлеченное значение и начинают соотноситься с определенной ситуацией, например, значение ‘поединок как способ разрешения судебной тяжбы’ (СлрЯ XI–XVII 16: 205) у слова *поле*: «И присудил князь великий поле тот же день» (АСВР III, 364). Утрата или приобретение существительными пропозитивной семантики сказывается и на грамматических характеристиках имен – на способности иметь полную числовую парадигму и выполнять определенную функцию в предложении.

Во второй главе «Способы языкового выражения категории отвлеченности» рассмотрены словообразовательные, морфологические и функциональные характеристики отвлеченных имен существительных в славянском переводе «Диоптры» Филиппа Пустынника.

В первом параграфе изучаются словообразовательные форманты, участвующие в производстве отвлеченных имен существительных. Суффиксы отвлеченности, праславянские по происхождению, получают наибольшую продуктивность в письменной речи вместе с развитием славянской книжности.

Среди отвлеченных имен со значением действия, характеризующих историю словообразовательных отношений между глаголом и существительным, наибольшую продуктивность и регулярность проявляют только те словообразовательные типы, которые в своем развитии следуют за поступательным движением глагольных категорий. Так, существительные с суффиксами *-(e)nie/-mie*, составляющие в тексте «Диоптры» почти 50 % выявленных слов, на протяжении всей своей истории сохраняют тесные структурные и семантические связи с производящими глаголами. Так, в словообразовании имен на *-(e)ние* отражаются обе стадии развития глагольной категории вида. Перфективация, в первую очередь связанная с префиксацией, проявляет себя в том, что в тексте «Диоптры» большая часть имен на *-(e)ние* образована от основ приставочных глаголов (*възвращение, въпрошение, нанесение, повелѣние, растворение*), тогда как в непродуктивных словообразовательных типах с суффиксами *-ьба/-оба* (*борьба, дружба*), *-тва* (*жатва, молитва*), *-знь* (*болѣзнь, кознь*), *-отъ/-еть* (*животъ, скрежетъ*) и др. используются в основном бесприставочные глагольные основы. В ходе дальнейшего развития категории вида модель на *-(e)ние* переключается на образование отвлеченных существительных от имперфективных глаголов. Начинают формироваться словообразовательные закономерности, соответствующие современному состоянию, когда основная масса имен на *-ние* образуется только от глаголов несовершенного вида за исключением части имен на *-ение*, образующихся от основ глаголов, которые на современном этапе входят в класс совершенного вида.

Наиболее показательным при изучении сохранения в производных образованиях видовых характеристик производящих глаголов является наличие в тексте коррелятивных пар, образованных от основ, отличающихся только видовой характеристикой. Язык «Диоптры» отражает переходное состояние от частичного смещения в употреблении имен от разных видовых основ, которое фиксируют памятники старшей поры (XI–XIII вв.), к этапу интенсивного образования этих отглагольных существительных с максимальным сохранением глагольных признаков, в первую очередь видовых, как это характерно для языка XVI–XVII вв. С одной стороны, в коррелятивных парах можно различить остатки старой видовременной системы, когда показатели глагольного класса и количественные чередования в корнях служили средством передачи того или иного способа глагольного действия: *-al/-ja* (*възданіе – въздаіеніе, даніе – даіеніе*), *-al*/основа на согласный (*въпаданіе – въпаденіе, закаланіе – заколеніе*), *-u*/основа на согласный (*отвърженіе – отвързєніе*), *-nu*/основа на со-

гласный (ненавыкновение – ненавычение), *-al-ova* (испытание – испытывание), *-ul-eва* (печение – печевание), *-al-u* (вскресание – воскресеение, уготовление – уготовление), *-al-u* с чередованием в корне (низложение – низлѣгание (низлѣгание), отлагание – отложение, прелогание – преложение), чередование в корне (назидание – наздание, събирание – събѣрание). С другой стороны, о начале различия видовых корреляций в производном имени свидетельствует пара *писанне – написанне*.

Остальные многочисленные отлагольные словообразовательные типы, обслуживающие значение отвлеченного действия/состояния (имена на *-ть, -нь, -ль, -ище/-лице, -знь, -тва, -ьба/-оба, -оты/-еть, -ѣкъ, -ло, -ава, -аль, -тель*), являются большей частью непродуктивными и утратившими живые отношения с производящими глаголами. Однако они существуют в языке с древнейших времен, устойчивы в словоупотреблении и обслуживают определенный участок внеязыковой действительности.

В сфере имен отвлеченного качества, отражающих развитие словообразовательных отношений между прилагательным и существительным, наблюдается аналогичная ситуация, когда один словообразовательный тип принимает на себя ведущую роль, четко ориентируясь на передачу основного словообразовательного значения, другие же занимают определенный участок семантической периферии. Так, для образований с суффиксом *-ость* главной отличительной чертой является возможность сочетаться с основами прилагательных или адъективированных причастий, что создает им преимущество оставаться на длительном отрезке исторического развития продуктивным и конкурентоспособным словообразовательным типом (*бѣлость, горестъ, мертвостъ, равностъ, юностъ*). В то же время менее продуктивные или непродуктивные словообразовательные типы на *-ота, -ина, -изна, -ыня, -ьда* ограничены в производстве основами непродуктивных прилагательных и связаны, например, с обозначением физических параметров (*высота, глѣбина, широта*), духовных символов (*благостыня, свѣтыня, правѣда*), собирательности (*нищѣта*).

Функциональность словообразовательной системы в области отвлеченных имен поддерживается со стороны древних суффиксов, способных сочетаться как с глагольными, так и с именными основами (*ѡ, -ие, -ство, -ствие*), которые своим устойчивым словоупотреблением обеспечивают расстановку приоритетов внутри самой системы словопроизводства. Так, нулевые словообразовательные средства являются самыми древними словообразовательными формантами, возникнув в результате преобразования основообразующих суффиксов **-ѡ, *-ā, *-ī, *-ū, *-ū*, основ на согл. Имена существительные с основообразующими суффиксами достаточно долгое время сохраняют синкретизм значения. Например, в тексте «Диоптры» равноправно существуют значения свойства и носителя этого свойства у слова *ложь*. С одной стороны, это 'намеренное искажение истины, неправда, обман' (СлРЯ XI–XVII 8: 275): «*Луче есть ѡбо со истинною нѣмотовати, неже со лжию платонскы глаголати*» (л. 2) в соответствии с отвлеченным именем *ψεύδος* 'ложь, вымысел, обман' (Дворецкий: 1797). С другой стороны – 'тот, кто лжет' (СлРЯ XI–XVII 8: 276): «*Воплотит же ся не*

самъ, но мѣнѣнѣмъ всяко и придетъ всесквернымъ, яко лѣстѣцъ и ложь, кротокъ, смиренъ, ненавидяи неправды» (Л. 77об.) в соответствии с личным образованием $\phi\epsilon\acute{\upsilon}\sigma\tau\eta\varsigma$ 'лжец' (Дворецкий: 1798).

В целом для отвлеченных имен в «Диоптре» характерно сохранение единообразного значения, приобретаемого производными именами в акте словообразования, то есть словообразовательного значения действия и качества. Например, въскресе́ние выступает в своем процессуальном значении 'возвращение умершего к жизни, оживание' (СлРЯ XI–XVII 3: 42): «И како и ким образом познают дѹша каяждо свое тѣло в въскресе́нии» (Плдр: 68). Очень часто значение действия/состояния поддерживается функционированием в тексте либо лексических синонимов: «Дѹша и тѣло исперва дру́жбу, и любовь, и миръ въ житии нияху друг дру́гу» (Л. 111об.), либо словообразовательных синонимов: «Во второй приход и Христова пришествие паче ангелъ болше прославится и паче сих святыхъ всѣхъ» (Л. 63об.); «Напрасно бо нѣкако преста от устъ челоуѣцкихъ мо́лба же и мо́литва и мо́ление, господине» (Л. 79об.). Конкурирующие словообразовательные типы отмечаются и у отвлеченных имен со значением качества: «Начало зимѣ стѹдень, мо́крота же конецъ» (Л. 86) или «Конецъ бо зимѣ – мо́крость, начало же бѣ стѹдень» (Л. 87). Очень узкий круг лексем с полной конкретизацией, то есть обозначением чувственно воспринимаемых и пространственно очерченных предметов материального мира, ограничивается в тексте «Диоптры» традиционными родовыми словами: обѹвѣние, одѣяние, отечество, питание, питие, украшение. В качестве терминов употребляются: Писание, Благовѣстование, Законъ, Благодать, Силы, Начала.

Таким образом, словообразование отвлеченных существительных в «Диоптре» полностью соответствует основным тенденциям развития славянской словообразовательной системы конца XIV – XV вв. (периода разрушения традиционной формульности, давшего толчок бурному развитию вариативности формы и способствовавшего переходу к литературному языку нового времени).

Во втором параграфе выявляются особенности употребления форм множественного числа отвлеченных имен существительных. В истории языка имена существительные анумеральной семантики отличаются относительно свободным употреблением форм числа без нарушения семантического тождества слова. Изначально более материализованное осмысление субстантивированных действий, качеств, состояний в языке свидетельствует о возможности применения их в денотативном плане, без достижения уровня абстрактно-понятийного (сигнификативного) содержания.

В славянском переводе «Диоптры» более четверти выявленных слов употребляется во множественном числе: 248 лексем из 978 у существительных и 78 лексем из 211 у субстантивов на *-ое*. Специфический характер морфологической категории числа имен существительных, которая основана на понятийном содержании и представляет собой морфологическую категорию с семантической доминантой, а также зависимость функционирования отвлеченных су-

существительных во множественном числе от словообразовательного значения и словообразовательного форманта, позволяют условно разделить эти отвлеченные существительные на несколько групп по их отношению к образованию соотносительных форм числа:

1) Имена со значением отвлеченного действия. Названия субстантивированных действий (собственно действий, процессов, событий), более склонны к образованию обеих форм числа, поскольку они имеют достаточно четкие временные границы и могут отграничиваться друг от друга. Однако специфичный характер их предметно-логического содержания влияет на выражение такими существительными во множественном числе иных, отличных от простой множественности, значений, связанных с представлениями о многократности, повторяемости, протяженности, сложности, интенсивности и т. п., в чем проявляются семантические свойства категории величины, недискретного количества. Среди имен действия наиболее активны в образовании форм множественного числа существительные с суффиксом *-(е)ние*, значительно меньшую активность проявляют основообразующие суффиксы, суффиксы *-ьба/-оба*, *-ие*, *-знь* и др.: «и поюще пѣсни побѣдительныя и припѣванія» (Л. 15); «и поминании снхъ мѹка лютишиа и горчаншиа бываетъ» (Л. 61об.); «и в тѣх глаголаніихъ величается всякъ пишиа, но и тѣ споспѣшника божественюю благодать иматъ» (Л. 130об.); «тр҃҃҃си, г҃҃҃бительства и смерти во всемъ мирѣ» (Л. 79); «здѣ бо есть все: и боры и побѣды, тамо же снхъ престанетъ держава и помощъ» (ПлДР: 120); «раслаблении трепѣты же примѹт часты и ѹдомъ сгни-тья» (Л. 100об.-101) и т. д.

2) Имена со значением отвлеченного качества. Названия субстантивированных качеств, состояний, свойств во множественном числе встречаются значительно реже, потому что отвлеченные качества, свойства, состояния не зависят от количества предметов, в которых они проявляются, а множество состояний трактуется как мощность континуума по сравнению с отграниченными друг от друга действиями или этапами многократного действия. Тем интереснее и показательнее присутствие в тексте форм множественного числа у имен с суффиксами *-ость*, *-ота*, *-ина*, *-аль* и др., которые не нарушают семантического тождества слова, а выступают скорее частными проявлениями общего признакового значения и определяют возникновение у имен качества оттенка интенсивности: «и на сердце челоуѣкѹ не взиде, отягченѹ и обремененѹ печалии и пиянствы временными» (Л. 1); «ниже боюся никако же от ѹкоризнѣ бляди» (Л. 3); «в гл҃҃҃бинѹ дажѣ до дна зѣмьнаго и вѣще, в широтѹ же широкѹ паче всѣхъ широтѣ» (ПлДР: 104); «но многа же и различна разньства видимѣ» (ПлДР: 122); «аще зрѣлъ бы яроستي и желание» (ПлДР: 124); «о, щедротѣ неизреченныхъ, нхъ же показа Богѣ» (Л. 67); «или ходити далече в грады же и страны, или морьскыя неплаваемыя пучины преплѹти» (Л. 74об.) и т. д.

3) Имена с вторичным конкретизированным значением. Семантические сдвиги у отвлеченных имен достаточно предсказуемы. Независимо от словообразовательной структуры отпредикатные имена регулярно развивают новые денотативные связи, что приводит к появлению вторичных конкретизированных

значений результата, причины, объекта, места действия или субъекта свойства и т. п. Это позволяет таким существительным иметь полную числовую парадигму, а формам множественного числа приближаться к выражению простой логической множественности. В «Диоптре» конкретизированная лексика составляет незначительный процент слов: «Гдѣ тогда имѣнья, и стяжання, и богатства?» (Прох.: 202); «и божия снѣдает хлѣбы и дары» (Л. 15); «и былий всячскихъ вины приемлет» (Плдр: 84); «сѣвѣчет же и одѣянна, поясъ же и вся цвѣтная одѣянна окаяннаго оного» (Плдр: 90); «и три трончная украшения сѣтъ» (Л. 63); «и обременятися добръишими всѣми куплями» (Л. 99); «не в волны ли ѹбо многы и слапы же каменныя, и брегы, и сѹхоты, и заверты» (Л. 99) и т. п.

4) Абстрактные понятия. Установка на возвышенное и обобщенное повествование определяет употребление в тексте «Диоптры» так называемых абстрактных понятий. Для средневекового сознания – это символы, составляющие целостное пространство христианской философии, морали, этики, достигшие высшей формы отвлеченности. По своей словообразовательной структуре большинство абстрактных понятий является существительными с основообразующими суффиксами либо словами, в основах которых рано произошло опрошение, и они стали восприниматься как непронизываемые. Например: «но еще мнози различными еже о сихъ славани сѣмнятсѣ» (Плдр, 122); яже бо естъ сѣвеная не прелагаема ни чѣстемъ и вѣнцемъ, ни же мѹкамъ сѣтъ достонна» (Л. 125об.–126) и т. п. Следование за греческим словоупотреблением обусловливает множественное число у субстантивов на -ое, за которыми также закрепляется обозначение абстрактных понятий и которые на современном этапе лишены возможности образования форм множественного числа: «како во всѣхъ мѹжѹ своемѹ обращаешѣся болѣзненныхъ и печальныхъ и скорбныхъ, о дѹше, благыхъ же оного не получиши славы» (Л. 12об.).

5) Родовые понятия. Возможность более свободного исчисления отвлеченных имен в истории языка по сравнению с современным языковым состоянием обусловлена тем, что опредмеченные признаки составляют своеобразные родовые понятия, так как процесс абстрагирования диктует отказ от фиксации единичного, случайного в пользу вычленения общего. И чем больше объектов подразумевается за отвлеченным именем-гиперонимом, тем чаще оно употребляется во множественном числе: «яко мнози претерпѣша напасти же и скорби, ими же очистишасѣ от всякыя скверны и грѣхъ» (Л. 12); «еже тои не получиши и не прияти с мѹжем подобнѣ почести» (Л. 12об.); «не хищникъ, ни клеветник, ни пьяница, ни блѹдник, ни прелюбодѣи, ни мала кия дѣянни идолослѹжитель...» (Л. 19об.); «и вѣсплачи, и вѣздыхан в постѣ тако же, яко щедръ естъ и милостивъ паки, долготерпеливъ и милосердъ, и многомилостивъ зѣло, и о человѣчьскихъ каяся злобахъ» (Л. 28) и т. п.

6) Терминологизированные образования. В редких случаях в «Диоптре» фиксируется дифференциация числовых форм с закреплением за одной из них особого, терминологического значения. Например, в тексте намеренно выделяется единственное число у слова Писание как обозначение исключительно

Священного писания (СлрЯ XI–XVII 15: 50–51): «яко же ти покажах от Писання, госпоже» (л. 11), в то время как для обозначения процесса или его результата используется форма множественного числа – писания ‘то, что написано (документы, произведения)’: «Блаа всѣх творецъ ис писателеи нже богодѣхновенная писання списаша и ѱстроиша, Святѣмъ Дѣхом просвѣщаеми...» (л. 1). Таково же противопоставление слов Билы, Начала, Власти, Господствия во множественном числе как обозначение ангельской иерархии отдельным проявлениям этих свойств, выраженных отвлеченными существительными в единственном числе.

Таким образом, существительные анумеральной семантики, вовлекаясь в функционирование категории числа, отражают в своей смысловой структуре различия не только грамматические, но и лексико-семантические, то есть категория числа наряду со словоизменительной функцией выполняет функции словообразовательные и стилистические.

В третьем параграфе отмечаются некоторые синтагматические особенности отвлеченных имен существительных. Слово в средневековом тексте не осознается в качестве отдельной лексической единицы, а существует как переменная единица текстовой формулы, создавая строго закреплённую рамку высказывания, все языковые единицы функционируют исключительно в тексте и позиционно упорядочены в границах синтагм.

Формально отвлечённые имена ведут себя в тексте точно так же, как и существительные с предметным значением, то есть занимают преимущественно позиции подлежащего, именной части составного сказуемого, дополнения. Однако для периода конца XIV в. можно говорить о наличии определенного круга регулярных, семантически мотивированных контекстов, в которых отвлечённые имена существительные реализуют свои сочетаемостные потенции и проявляют именные и предикатные свойства. Так, наиболее частотные и легко определяемые имена событий употребляются с глаголами в значении ‘произошло, случилось’: «И сразишася брань зѣлаа въ третии днь» (л. 22); «Аще не радим, яко же онѣ левитинѣ, приидетъ напрасно поствѣние смертное» (л. 23–23об.). События как сами легко упорядочиваются во времени: «Внезапѣ наидетъ смерть, яко хищникъ, и безвременно разлѣчение, чресъ време разрѣшение обомъ бѣдетъ» (л. 20об.), так и используются для временной локализации других событий и процессов, употребляясь с предлогами в значении ‘до’ и ‘после’: «Дѣша ѱбо, госпоже моя, тѣла разлѣчѣвшися даже и до воскресения восприметъ» (л. 61об.); «Поминан, страстная, часто, поздѣ нсхода не лѣнися ѱбо, смѣренная, кто создавыи тя разѣмѣи» (л. 24об.) и т. д.

Имена процессов, по сравнению с именами событий, связаны с представлением о длительности: «И бесконечна наша мѣка бѣдетъ, и мѣчение бесконечно, и нестерпимо, и неославно» (л. 23об.). Очень распространены контексты, в которых имена наблюдаемых процессов являются актантами глаголов восприятия: «Зриши ѱбо плач и рыдания, вѣщати же ничтоже можеши» (Прох. 200); «Видиши ли, дѣше моя, страдания, зриши ли сердца болѣзнь» (л. 12об.) и т. д.

Значительно отличаются от имен процессов и событий имена состояний (ср.: в словообразовании они стоят ближе к именам действий). Состояния сочетаются с глаголами в значении 'пребывать в данном состоянии', 'прийти в данное состояние', а также с каузативными глаголами: «И издѣхнути быша вси, не терпяще боязни претерпѣти или видѣти трепета исполненная» (Прох. 206). Часто состояния сопутствуют действиям, процессам или занятиям, причем в этих случаях предложно-падежные сочетания соответствуют, как правило, греческим наречиям: «Достизати прсно тобѣ того молитвы, яже къ боже-ственному с тихостию вносит» (Л. 3) – ἡλαρώς 'весело, радостно' (Дворецкий: 821); «речеми ѹбо к ним не своєю волею» (Л. 22об.) – ἐκούσιως 'добровольно' (Дворецкий: 492) и т. д.

Имена свойств вписываются в контекст глаголов со значением 'обладать', 'отличаться': «И повседневная нападания от всеулавыхъ дѹховъ зрѣти в себѣ точю, аще не лѣнностью обладаемъ есть» (Л. 1); «Аще красоту свою тогда имѣти чювственую, и видимую, и являемую сню» (Л. 67об.). В большинстве своем отвлеченные имена на *-ость*, *-ие*, *-ство* в сочетании с глаголами, приписывающими признак, являются выразителями личностных характеристик: «На телесехъ бывають нынѣ снѧ, госпоже, различья телесная... бѣлость и черноть же, крѹголицье же и долголицье, малость и тонность же, с сим и сѹхощь, млaddenство же паки...» (Л. 84) и т. д.

У многих абстрактных имен связь с высказыванием (а чаще с текстом и с передаваемой ситуацией) проявляется особо отчетливо, поскольку они способны превращать словосочетание, в котором функционируют, в свернутую пропозицию. Можно утверждать, что уже в средневековом славянском тексте существуют предложения, в которых в один синтаксический ряд слиты две или более пропозитивных номинаций, обслуживаемые общим механизмом актуализации – глаголом в личной форме. Особенность таких предложений состоит в том, что, несмотря на отсутствие в событийных именах грамматической предикативности (категорий времени, наклонения и лица), все же пребывающие в таких именах в латентном состоянии глагольные категории явственно ощущаются славянским переводчиком. На уровне текста это проявляется в том, что отвлеченные имена составляют отдельные синтагмы и выделяются в «Диоптре» точками, реже запятыми. С большей регулярностью это происходит в случаях, если отвлеченное имя имеет зависимые слова, либо в конструкциях перечисления, например: «Обрѣтаеши же мытарства злотворныхъ бѣсов. прелютая и злѣишая. страшныя же истязателя. ревности же и зависти и гордости. лжи и прочихъ страстен. и блѹда.» (Л. 5). Выделение подобных синтагм, обладающих относительной структурно-семантической автономностью, определяется устным произнесением текста и связано с законами славянской фонетики и просодии. Славянский переводчик сохраняет также ритмический рисунок греческого стихотворного оригинала.

Отвлеченные имена занимают преимущественно актантные позиции основного глагола. В результате осложнения предложения свернутыми пропозициями в рамках элементарной семантической структуры углубляется субъект-

но-предикатная перспектива: через субъектно-определительные отношения событийного имени, выраженные зависимым родительным беспредложным падежом, достигается глубина полисубъектности: «Ни мало ни велико претерпи и пренеси брата своего досады.» (Л. 13об.); «Ини же воплощение рекоша Блва. страсти честныя и встанье его.» (Л. 43об.).

С наибольшей наглядностью механизм семантического осложнения простого предложения предстает при передаче отвлеченными именами различных обстоятельственных значений, на фоне которых осуществляется основное действие, выраженное предикатом-сказуемым. Принимая за основу возникающие отношения между ситуациями, все разнообразие сирконстантных сигналов семантического осложнения простого предложения можно разделить на две группы: логические (цели, причины, условия, уступки) и ситуативные (времени и места), а универсальными показателями связи ситуаций являются предлоги.

Логические отношения цели и причины отвлеченные существительные передают в сочетании с предлогами *въ, къ, отъ*. Например, если цель состоит в реализации исходной ситуации, то предложение, как правило, называет сознательное активное целесообразное действие: «И сия богодѹховная отринѹ словеса. во испытание и въ истязание и въ смотрение и въ оглядание всякоу души. хотѹщей и констину и любящей в сие зеркало взирати.» (Л. 1), основным же предикатом предложения служит глагол активного физического или ментального действия. Особенность причинных сирконстантов состоит в том, что в большинстве случаев они представляют собой двукомпонентные номинализированные конструкции, второй компонент которых называет деятеля или носителя признака, то есть является семантическим субъектом свернутой структуры: «От нечювствия моего и невѣннимания. не трепещѹ великаго танищества смертнаго» (Л. 7). «От хотѣния нашего и произволе||нья же. на подобенное взводимся тому.» (Л. 37–37об.).

Наиболее частотны в «Диоптре» ситуативные сирконстанты со значением времени, в большинстве случаев сочетающиеся с предлогами *въ, до, на, прежде, по* и характеризующие обстановку основного события. Это позволяет с максимальной полнотой и точностью соотнести основное и сопровождающее события, ср.: «Ибо констину всякъ часто въинчан в сие дѹшеполезное оглядало всегда и на всяк час хощет дѹши своен образ очистити и показати. яковъ же бѣ и прежде ослѹшания» (Л. 1); «Что ѹбо бѹдетъ по разрушению сего?» (Л. 68); «Хощетъ ѹбо тварь человеческы нетлѣнне въсприяти. бѹдетъ же се на въскресење. яко да и та свое нетлѣнне восприметъ» (Л. 70). Событийная семантика втягивает в сферу своего влияния конкретные существительные, которые приобретают контекстуальное событийное значение и выступают в функции темпорального сирконстанта: «И паку по Законѣ Богу ѹгожшая. и праведны обрѣтшася. пророки проповѣдаваща Христова пришествие еже по плоти рождество» (Л. 5); «Яко по крестѣ Христа и Бога моего, и еже по въ адѣ шестини. связан бысть звѣрь» (Л. 76), а словосочетание в конкретным существительным моделируется по образцу событийных имен для передачи субъектно-определительных отношений. Такая сочетаемость расширяет воз-

возможности отвлеченных имен в выражении таксисных отношений, обозначая как одновременное соотношение между компонентами ситуации, так и разновременное (предшествование и следование).

Таким образом, участием отвлеченных имен в осложнении семантической структуры простого предложения достигается конденсация мыслительного содержания и углубление смысловой перспективы высказывания.

В третьей главе «Лексико-семантическая группа “познавательная деятельность человека” и специфика ее употребления в “Диоптре”» на примере слов, обслуживающих сферу интеллекта и являющихся *ментальными константами*¹ текста, обозначена специфика средневековой теории познания, вычленявшаяся из общего вероучения.

В первом параграфе посредством изучения цепочки однокоренных слов *умъ* – *разумъ* – *разумѣние* – *поразумѣние* и примыкающих к ней однокоренных слов *безумие*, *недоумѣние*, *неразумие* и *остроумие* исследуются познавательные способности человека с точки зрения данного текста.

Понятию ума в тексте памятника уделяется очень большое внимание. С одной стороны, ум неразрывно связан с телом и даже в какой-то степени зависит от него: «*Убо в коен частн тѣла пребыванье умъ мнѣти достонть?*» (плдр: 68). С другой стороны – способность человека к мыслительной деятельности признается явно божественным свойством: «*Подражаваетъ бо нѣкакѡ умъ человекъскы Бога*» (плдр: 94). Двойственность выражаемого понятия проявляется и в употреблении существительного *умъ*: это наименее абстрагированное, но в то же время самое наполненное в своем значении слово. В зависимости от контекста слово *умъ* можно трактовать и как ‘общую способность мыслить и познавать’, и как ‘совокупность духовных сил’, и как ‘результат мыслительных операций’ (Срезневский III: 1211–1213).

Среди всех органов человеческого тела самое большое значение придается глазам: «*Яко же бо око в телесн есть, тако и умъ в души*» (л. 114). Параллель ума и зрения передается в тексте различными частями речи. Например, имена существительные чаще всего используются в функции определения: ум – это *душевное око*, *видительное души*, *зрительное души*, *видѣние божественное*, *къ ангѣломъ зрѣние*. Способность к умозаключениям выражается прилагательным *зрителен* (θεωρόν). Через глагольные формы показаны разнообразные возможности умственной деятельности: ум *рассмотряет*, он может *зрѣти* *горняя*, *зрѣти* *неугасаемѣ*, *видѣти* *помышленное*, в то же время его можно *пома-*

¹ Введение понятия *ментальные константы* представляется вполне уместным, исходя из первоначального значения слов, его составляющих. Так, прилагательное *ментальный* (от лат. mens – ум, мышление, образ мыслей) включает в себе все, что имеет отношение к умственной деятельности как в ее содержательном аспекте, то есть все чувственные данные и представления, наличествующие в уме, так и в ее функциональном аспекте, подразумевая действие памяти, воображения, способности к восприятию, желанию, чувствованию. Употребление существительного *константа* (от лат. constans, constantis – постоянный, неизменный) обусловлено тем, что изучаемые имена являются своего рода масштабами в разграничении процессов, протекающих принципиально по-разному, и вместе с тем каждое из этих имен играет свою собственную определенную роль, указывая на наличие закономерных связей между процессами. В целом *ментальные константы* фиксируют в слове интеллектуальное пространство, то есть объединяют в себе рационализированные формы сознания с глубинными культурными кодами.

чити, ослепити, угасити страстями и неподобными помыслами. Предикаты очень ярко характеризуют его свойства: ум *разумѣвает, помнит, рассуждает, услаждается в поучении, невзмагает*, а также ум *творит и стваряет, скытается и обходит, водит и обращает, обтичет и сообращается, поет и словословит внутренним гласом*, причем проявляет большую активность, совершая «*ѹмноє ѹма дѣланіє*» (л. 123об.). Ум также *словесное души*, он соотносится с внутренним, произнесенным словом. Нераздельное и в то же время обособленное существование души, ума и внутреннего слова уподобляется в «Диоптре» божественной Троице. Результатом умственных действий и операций является мысль, принятая в широком смысле этого слова: «*ѹмъ раждает помышления*» (л. 115об.).

В отличие от *ума*, который является центральной точкой схождения божественного и человеческого, *разумъ* – это высшая данность, дар Бога; это то, что влагается в человеческую душу по воле божественной благодати. В этом отношении показательны взаимно дополняющие друг друга предикаты: если речь идет о действиях высших сил, то разум *дают* или *даруют*, если же представлена точка зрения человека, то разум *принимают* (или *не принимают*). В «Диоптре» постоянно подчеркивается направленность разума Святым Духом, употребляются определения *верховный, преждебывший* разум.

Принадлежность разума словесной части души подтверждается регулярным употреблением в едином контексте существительных *разумъ* и *слово*. В этом соотношении упор делается на слово произнесенное, для чего используются лексические синонимы *слово, глаголь, рѣчь*, чаще употребляющиеся во множественном числе: «*Яко писанном не искусѣнъ есмь всяко, рѣчи невѣжествены, разумъ же не тако*» (л. 128об.). А через произнесенное слово человеческий разум связан с *мудростью*, с обретением сокровенной истины: для приобретения мудрости, средоточия духовных, интеллектуальных, волевых потенций, человеку наравне с верой дается разум. Особенность православного мировоззрения состоит в том, что в нем нет разлада между верой и разумом. Вера в то, что неподвластно чувственному восприятию, принимается как особо высокая ступень разума, как своеобразный подвиг разума. Разум является также неким моральным регулятором: «*Се добраго естъство и разумъ, ... се разумъ злаго*» (л. 122); этические установки текста *истинный* разум противопоставляют *другому, спротивному*. Единственное, с чем связан разум в телесной организации, – это сердце: «*Достонт ѹбо к разуму и концу слова прилагати сердечное око*» (л. 20б.) В целом отвлеченное существительное *разумъ* не обозначает активного действия, в контекстах слово проявляет себя и как 'способность познавать', и как 'разумение, понимание', и как 'смысл, значение' (СлРЯ XI–XVII 21: 249–251), выражая различные виды и степени познания.

Соотношение таких разных сторон познания, как *умъ* и *разумъ*, в «Диоптре» описывается не в доктринальных категориях, а на практическом, приближенном непосредственно к средневековому читателю уровне. Земная часть мироздания представлена как зеркальное отражение небесной, и человек является малой моделью мира, гармонично сочетая в себе все составляющие едино-

го Космоса, познавательная же активность выражается в осмысленном, разумном нахождении в сфере мистического.

Дальнейшее усложнение словообразовательной структуры отвлеченных существительных приводит к большей специализации их значений. Так, отглагольные существительные *разумѣние* и *поразумѣние* напрямую соотносятся с их производящими глаголами, имеют четко выраженное значение действия или результата действия, а потому не достигают высокой степени абстракции. В тексте «Диоптры» эти слова обозначают либо сам процесс размышления ‘способность мыслить, понимать’, либо результаты познавательной деятельности ‘мысль’, ‘суждение’, ‘представление’, ‘восприятие’ (СлРЯ XI–XVII 17: 110).

Разумение принадлежит внутреннему миру человека, его душе. И так же, как душа, разумение представляется *невидимым, сокровенным*: «**Невидима, яко невестественна вся всегда еси, помышление и разумѣние все же, аще имаше, скровена сѣть, о госпоже**» (плдр: 76). Для того чтобы *явити, показати, подати* свои разумения, душа прибегает к помощи тела, в котором присутствует определенный инструментарий, специально для этого предназначенный и состоящий из легких, горла, гортани, языка, зубов и губ, то есть процесс разума входит в сложную речемыслительную операцию. Разумение как продукт человеческого мышления обязательно подвержено процедуре верификации.

При рассмотрении существительных *безумие, недоумѣние, неразумие* необходимо учитывать специфический для средневекового мышления апофатический способ познания, заключающийся в приписывании отрицательных характеристик абстрактно мыслимому. Славянской словообразовательной системой были выработаны специальные средства для передачи столь сложных понятий – это конфиксальное словопроизводство, толчком к формированию которого послужило калькирование греческих слов.

Таким образом, присутствие в тексте словообразовательной парадигмы древнего корня **ит-*, проясняет, какими способами языковая система участвует в развертывании смысла единого синкретичного корневого ядра, каким образом слова, расширяясь за счет приставок или суффиксов, сужают свое значение и ограничивают сферу своего употребления.

Во втором параграфе внимание сосредотачивается на выражении основных результатов мыслительного процесса в языке «Диоптры», объединенных славянским корнем **mysl-*: *мысль – помысль – помышление; промысль – промышление; домысль, смысль*.

Существительное *мысль* рассматривается в качестве родового ко всем именам с общим значением ‘то, что имеется в уме’. В «Диоптре» прослеживается непосредственная связь между душой, умом человека и мыслью: «**Не бо точно художественѣи же и зритеиѣи мысли и дѣйства есть наша душа, въ ѹмѣмь сѹществѣ такое дѣлающеи**» (плдр: 122). Но если рождаются мысли в уме, то располагаются они в сердце. Не случайно в славянских языках сохраняются значения, связанные с духовной деятельностью: *rozbyti mysli* ‘упасть духом’ (чеш.), *być dobrej myśli* ‘быть в хорошем настроении’, *nie po myśli* ‘не по душе’ (пол.).

Мысль входит в общечеловеческую триаду «мысль – слово – дело», состоящую из важнейших мировоззренческих категорий. Являясь началом триады как в онтологическом аспекте (первое по времени), так и в логическом (это нечто простое, элементарное, исходный пункт познания), мысль определяется, с одной стороны, через *дело*: «Мысль же умное дѣйствиѣ, ея же ради разумѣваются мыслямая, яко же бы кто рекъ хытрость сущи хытрѣца» (Л. 127об.), с другой стороны – через *слово*: «...прочее и произносному слову тамо нѣсть потребы, но точию внѣренему, иже есть всяко помышление и мысль» (Л. 114). Еще с античности главным предметом познания была сама вещь во всей ее телесности и вещественной силе, поэтому мысль связана с родовым словом *вещь*, соотносящееся в греческом оригинале со словом πράγμα 'дело, действие' (Дворецкий: 1362) и этимологически родственное греческому ἔπος 'слово' (Фасмер I: 309–310). То есть через вещь мысль проникает в самую суть явления и раскрывает ее в слове и в действии, а также находит себе выход во внешний мир в виде рукотворного результата.

Помысль переводит соотношение между мыслью, словом и делом на духовно-практический уровень: «И страшущися мѹкы, въ отчаяніе клоняся, не могу бо вся исцести, рабыне, яже в помыслѣ и словѣ же и дѣлѣ, ниже по видѹ, яко же сѹтъ, вспоминати могу, и || та по дѣйствиѹ нзрещи, аще всхождѹ» (Л. 26–26об.), когда мысленное решение (помысл) неотделимо от практического действия (поступка), направленного на воплощение замысленного.

В модифицированной триаде «помысл – слово – дело» на первый план выходит социальный аспект. Социальную активность, *дѣлательное любомудрие* Филипп Пустынник выдвигает в качестве первого и самого важного шага на пути к спасению. Прагматическая направленность помысла ориентирует внимание на теснейший и нерасторжимый союз двух сторон человеческого существа, а именно на взаимодействие души и тела. С одной стороны, в душевной организации взаимно дополняют друг друга *помысленное*, которое четко соотносится со словесной частью души, и *помысль*, который непосредственным образом связан с бессловесной ее частью, то есть с *яростью* и *желанием*. С другой стороны, основная практическая задача помысла заключается в обуздании *страстей* (именно во множественном числе), которые объединяют в себе разные степени порока и характеризуются особой стойкостью и всеохватностью. Помысл, как и ум, обладает способностью к управлению, и его сопровождают предикаты с ярко выраженной волевой модальностью, связанные с терминологией права: помысл *смастряет, назирает, рассуждает, направляет, настоятельствует*. Но в то же время помысл наделяется исключительно отрицательными характеристиками: *блудный, лукавый, злобный, печальный, расслабленный*, так как он сопричастен «материальной» части душевной организации.

Дальнейшее расширение словообразовательной структуры слова суффиксом *-ение* приводит отглагольное существительное *помышление*, как и в случае с существительными *разумѣние, поразумѣние*, к большей специализации значения: оно передает либо непосредственно мыслительный процесс, либо результат этого процесса, но никак не отвлеченное понятие. Помышление так-

же определяется посредством прилагательных *невидимое, неведущее, неощущаемое, скрытое, неведомое* и даже – *бесстрастное и бестелесное*, то есть имеет непосредственное отношение к внутреннему миру человека. На этом же основании устанавливается соотношение помышления с *душой, умом и внутренним словом*.

Помышление связано со словом и делом, но не на уровне глубинного соотношения, как мысль, и не на уровне социальных норм поведения, как помысл, а скорее на уровне межличностного общения и индивидуального творчества. Посредством взаимодействия помышления и произнесенного слова реализуется основная потребность человека – быть включенным в социум и культуру. Проявление душевных качеств во внешний мир основано и на взаимодействии помышления с ремеслом как творческим воплощением дела. В способности к творчеству человек становится образом и подобием Бога-демиурга, который сам в своем созидательном акте «*помышление в дѣло изводитъ*» (Л. 108об.).

Существительные *промысль – промышление* связаны в тексте с понятием судьбы, а в связи с этим и более глобальным вопросом целесообразности пребывания человека в общем мировом процессе. Творческий процесс Бога не знает ограничений ни со стороны естественных законов, так как ему открыто творение чуда «*вышши естъства*», ни со стороны представлений о рациональности, так как он творит мир абсолютно свободно, исключительно «*по хотѣнню своему и промыслу*». Поэтому промысл всегда определяется как *божий, божественный, владычный, всемудрый*.

Целесообразная организация мира божественным промыслом предусматривает и естественное, обусловленное необходимостью, место человека в мироздании. Определяет гармоничную целостность человеческого бытия существительное *смысль*, заключающее в себе то внутреннее содержание, исходная причина и конечная цель которого восходит к Богу, поэтому для существительного *смысль* особенно важным становится оттенок рассудочного знания, возможности сознательного рассуждения и дальнейшего применения этого знания на практике (СлРЯ XI–XVII 25: 226–228). Именно обеспечение разумного основания, четкое обозначение намерения и цели действий делает смысл помощником словесной части души, а определения *здравъ* и *цѣль* соотносят смысл с умом в вынесении суждений, в принятии взвешенных решений.

В целом ментальные константы в «Диоптре» формируют действие и проявление в человеке мыслительной силы. Можно отметить, что славянский переводчик выстраивает свою, свойственную именно славянскому миропониманию, систему координат ментальной сферы. Он представляет процесс речепорождения последовательным продвижением от самого первого акта мышления, еще не оформившегося движения *ума – разумѣнья*, через сосредоточение внимания на чем-то определенном и складывание общего представления о предмете размышлений в *мысли*, через предварительное осознание и обдумывание в *помышлении* и через осмысление и истолкование предмета мысли в *мудровании* к окончательному формулированию и утверждению внутреннего значения в *помысле*, который в конечном итоге выливается в *произносное слово*.

во, и каждая последующая фаза как бы «вбирает» в себя предыдущую. На уровне средневекового сознания представлено сложное взаимодействие процесса порождения смысла и процесса языкового кодирования этого смысла с учетом их когнитивного и деятельностного характера. Необходимо также отметить значимость для средневекового знания «Диоптры» как текста религиозно-философского содержания, совпадающего на идейно-мировоззренческом уровне со всем корпусом сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита, под влиянием неоплатонических идей которого развивалась «восточная версия христианской гносеологии».

В **заключении** излагаются итоги комплексного анализа отвлеченных имен существительных в славянском переводе «Диоптры». В соотношении языковых и философских категорий выражается специфика средневекового сознания как сознания полностью вербального, для которого основной единицей является словесный образ, переходящий в символ. Отталкиваясь от греческой терминологии, славянские книжники разрабатывают собственные языковые средства, тем самым постепенно преобразуют характер понятийного мышления и развивают литературный язык высокого уровня.

В **приложениях** представлен полный список отвлеченных существительных и субстантивов на -ое, выявленных в славянском переводе «Диоптры» (по списку Ф. п. I № 43), приведено их количественное соотношение по формам числа и распределение по словообразовательным моделям, выписаны все греческие соответствия. Привлечение данных исторических словарей позволило установить отсутствие фиксации таких слов, как *благопробытие*, *благосказание*, *благоуслужение*, *блазньство*, *братожелание*, *възничание*, *воскресание*, *двоение*, *деньство*, *добрословесие*, *доение*, *долголичие*, *земодѣланіе*, *злогласие*, *иждие*, *истончевание*, *клетва*, *ковь*, *круглоличие*, *крѣлоство*, *неблагоутробие*, *незумѣние*, *несравнение*, *несытость*, *неумучение*, *нехытроство*, *низлѣгание*, *оглядание*, *отицание*, *плытость*, *померзновение*, *попечевание*, *почернѣние*, *препловение*, *препокоение*, *преращение*, *приослушание*, *приснодвижение*, *раженьство*, *рассочтание*, *рыбарие*, *священославие*, *сестрие*, *силование*, *сострастие*, *спѣшьство*, *средосѣдина*, *срѣтание*, *странничьство*, *сухоличие*, *счинение*, *татѣе*, *уготовление*, *уклонение*, *умнение*, *упокоение*, *услажение*, *утоление*, *утѣснение*, *царѣе*, *чревообъядение*, *чтилище*, *чуждение*.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Выражение результатов мыслительного процесса в языке «Диоптры» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: научный журнал. Серия «Общественные и гуманитарные науки» – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – № 12 (85). – С. 242–251 (Журнал, рекомендованный ВАК России для публикаций основных результатов диссертационных исследований).

2. Стилистические ресурсы словообразования в памятниках деловой письменности XV–XVI вв. // «Юрьевские чтения»: материалы междисциплинарной конференции молодых филологов. Вып. 1: В рамках программы «Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы». – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С. 202–207.
3. Выражение «разумения» в древнерусском тексте // Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 3: История русского языка. Русская диалектология. Язык и ментальность. Ч. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – С. 6–9.
4. Особенности употребления форм множественного числа отвлеченных существительных (по материалам «Диоптры» Филиппа Пустынника) // Молодежь в науке – 2007: прил. к журн. «Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». В 4 ч. Ч. 2. Серия гуманитарных наук / редкол.: П. Г. Никитенко (гл. ред.), В. В. Гниломедов [и др.]. – Минск: Белорусская наука, 2008. – С. 405–409.

Подписано в печать 21.04.2009 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 1174.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
199004, Россия, Санкт-Петербург,
В.О., Средний пр., д.24, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_leva@mail.ru
<http://www.levaprint.ru>

10 -